

Даниил во рву львином: текст, контекст и образ в раннехристианской живописи IV-V вв.

Научный руководитель – Захарова Анна Владимировна

Вернер Анжелика Олеговна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия
E-mail: inna.verner@mail.ru

Сцена «Даниил во рву львином» относится к ряду наиболее ранних и популярных сюжетов, появляющихся в катакомбах. Раннехристианская живопись в IV-V вв. имеет символический характер, поэтому для лучшего понимания лаконичной композиции сцены требуется комплексный анализ: с точки зрения экзегезы и литургических текстов, свидетельствующих об общих идеях времени; в контексте исторических реалий и предшествующей изобразительной традиции; в сопоставлении с окружающими сюжетами катакомб.

Основное толкование сюжета - сотериологическое. Среди подобных сюжетов история Даниила появляется в *Commendatio animae* и других раннехристианских погребальных молитвах. Неудивительно, что в погребальном искусстве эта сцена была распространена очень широко, от Рима до Северной Африки. Среди римских изображений к IV в. относятся фрески гипогея на Виа Дино Компаньи, катакомб на Виа Анапо, мозаика из катакомб Сант-Эрмете на Виа Салариа Ветус и др. Еще с III в. изображение Даниила приобрело устойчивую иконографию: он изображался в позе оранта между двумя (реже более) львами.

Львы толковались как символ смерти: Тертуллиан подобным образом комментировал Пс 22:21 *ex ore leonis, utique mortis* [7]. Головами львов часто украшались саркофаги, и аллюзия была очевидна для Отцов Церкви [4]. Даниил, сошедший в ров словно в ад и оставшийся невредимым, - прообраз Христа и воскресения: первым, ранее середины IV в., это сравнение развил Афраат Персидский [10].

В «Апостольских постановлениях» Даниил предстает как мученик, образ стойкости веры и бесстрашия пред лицом гонений и смерти. Стандартным видом казни, проводившейся на аренах Рима вплоть до раннего VI в., была практика *damnatio ad bestias*, которой подвергались многие христиане. Даниил во рву, очевидно, должен был вызывать в памяти раннехристианского зрителя подобные сцены. Именно для Рима характерны изображения обнаженного Даниила [8], тогда как в других регионах, например, в Северной Африке, он предстает одетым по «восточной моде» [5]. Нагота также могла напоминать об «атлетических» качествах мучеников, упоминаемых в Посланиях, *Acta Martyrum* и проповедях.

В текстуальных источниках находится еще одна параллель, связанная с наготой Даниила. Ипполит Римский называет Даниила «новым Адамом», об этом же пишет Иоанн Златоуст [9], подчеркивая, что звери подчиняются Даниилу как Адаму до грехопадения.

Среди возможных иконографических прототипов сцены исследователи называют историю Гильгамеша [3]. Иконография Даниила тесно связана с традиционной формулой властелина животных: сцену отличает та же геральдическая симметрия и тема укрощения зверей. Покорность львов подчеркивается в текстах Кирилла Иерусалимского, Ипполита Римского, Афраата Персидского. При общем сходстве восточного и христианского мотивов они имеют значимое различие: Гильгамеш укрощает зверей физической силой, а Даниил - силой молитвы, в которой он не уступает по мощи легендарным героям.

Поза оранта как неизменный иконографический признак Даниила также имеет параллели в экзегетических текстах. В античном представлении жест орантов связывался с философскими идеями *humanitas/pietas* [6], которые отражали «прикладную» религиозность, пронизывавшую жизнь римского мира. В христианском контексте этому жесту придается и более конкретный смысл: он связывается с моментом непосредственного божественного вмешательства, становясь выражением уверенности в спасении, которое будет даровано верующим [1]. Особое одобрение поза оранта как естественный человеку из любой эпохи и культурной среды жест находит в раннехристианской литературе. Отцы Церкви подчеркивают, что именно молитва Даниила закрыла пасти львов. В своей проповеди на святую неделю Афанасий Великий говорит, что Даниил был спасен от львиных зубов знаком креста, образованным раскинутыми руками [2]. Из различных молитвенных жестов античного мира избирается тот, который привносит аллюзию на крестную жертву Христа.

Однако оттенки толкования сюжета находятся в зависимости от расположенных рядом сцен. Так, Даниил во рву львином может символизировать спасение, если он сопоставлен с жертвоприношением Авраама (ниша 8 катакомб на Виа Анапо) или другими подобными сценами. Сюжеты, связанные с отказом Даниила поклоняться идолам, могут появляться также вместе с поклонением волхвов (кубикул А гипогейя на Виа Дино Компаньи). В этом случае подчеркивается контраст между ложным и истинным почитанием Бога и победа веры над идолопоклонством.

Живопись IV-V вв. развивается во многом параллельно текстуальной экзегезе, расставляя свои смысловые акценты. Зачастую искусство выбирает понятные античные образительные схемы, если они помогают доходчивее раскрыть сюжет или добавить коннотации, важные для конкретного контекста. История Даниила, как и в целом ветхозаветные сцены, которые пользуются особой популярностью и активно разрабатываются в IV-V вв., дают простор для творческой адаптации языческой образности и иконографии, так как разворачиваются еще до Христа, в языческом мире. Важную роль эти сюжеты приобретают не только в связи с сотериологическим, но и прообразовательным толкованием, которое сцены приобретают, будучи расположены в контексте христологических изображений.

Источники и литература

- 1) Bisconti F. Un coperchio di sarcofago paleocristiano dal Cimitero Maggiore // *Quaeritur inventus colitur. Miscellanea in onore di U.M. Fasola. Vol. I. Città del Vaticano, 1989. P. 40.*
- 2) Burmester O.H.E. The Homilies or Exhortations of the Holy Week Lectionary // *Le Muséon 1932, № 45. P. 66.*
- 3) Déonna W. Daniel, le 'Maitre des Fauves', à propos d'une lampe chre'tienne du muse'e de Geneve // *Artibus Asiae. 1949, № 12 (4). P. 347-374.*
- 4) Dulaey M. Daniel dans la fosse aux lions. Lecture de Dn 6 dans l'Église ancienne // *Revue des Sciences Religieuses. 1998, № 72. P. 42.*
- 5) Kalinowski A. A Mosaic of Daniel in the Lions' Den from Borj el Youdi (Furnos Minus) Tunisia: The Iconography of Martyrdom and the Arena in Roman North Africa // *Antiquités africaines, № 53, 2017. P. 115-128.*
- 6) Klauser Th. Studien zur Entstehungsgeschichte der christlichen Kunst III // *Jahrbuch für Antike und Christentum Ergänzungsband. 1960, № 3. P. 112.*
- 7) *Patrologiae cursus completus. Series Latina / ed. J.-P. Migne. Vol 2. Paris, 1844-1880. P. 472-475.*

- 8) Santagata G. Daniele // A. Di Berardino (dir.), Dizionario patristico e di antichità cristiane. Vol I. Rome, 1983. P. 888.
- 9) Sources chretiennes / ed. H. de Lubac, J. Danielou et al. Paris, 1942. T. 14. P. 254.
- 10) Sources chretiennes / ed. H. de Lubac, J. Danielou et al. Paris, 1942. T. 359. P. 831.